

– Привет, – сказала она.

Бледная веснушчатая рука незнакомки опустилась на соседний стул возле барной стойки, расположенной в зале ожидания бизнес-класса аэропорта «Хитроу».

– Мы знакомы? – спросил я.

Вряд ли мы встречались раньше, но ее американский акцент, накрахмаленная белая рубашка, обтягивающие джинсы, заправленные в сапоги до колена, – все это напоминало мне одну из мерзких подруг моей жены.

– Нет, извините. Мне просто захотелось заказать то же, что у вас. Не возражаете? – Высокая, стройная, она уселась на кожаный стул и положила сумочку на барную стойку. – Это джин? – она показала на мартини передо мной.

– «Хендрик», – ответил я.

Она позвала бармена – подростка с торчащими во все стороны волосами и лоснящимся подбородком – и заказала «Хендрик» с двумя оливками. Когда ей принесли мартини, она подняла бокал, обращаясь ко мне. У меня еще оставался глоток, и я сказал:

– За вакцинацию против международных перелетов.

– С удовольствием выпью за это.

Я допил свой мартини и заказал еще один. Она представилась, но ее имя тут же вылетело у меня из головы. Я назвал ее – просто Тед, а не Тед Северсон, по крайней мере, так я себя ощущал в тот момент. Мы сидели в битком набитом баре, свет резал глаза, мы пили, обменялись парой слов и обнаружили, что оба ждем один и тот же рейс в Бостонский аэропорт «Логан». Она достала из сумки тонкую книжицу в мягкой обложке и принялась читать. У меня появилась возможность как следует рассмотреть ее. Она была красива – длинные рыжие волосы, ясные зеленовато-голубые глаза, словно тропические озера, и кожа настолько бледная, что походила на пенку на молоке. Если такая женщина подсаживается к вам в баре и восхищается вашим напитком, можно надеяться, что ваша жизнь изменится. Но если этот бар находится в аэропорте, случайные знакомые вот-вот умчатся от вас в противоположном направлении. И хотя эта женщина тоже летела

в Бостон, я думал только о том, как сильно ненавижу свою жену. Всю неделю, проведенную в Англии, эта мысль не выходила у меня из головы. Я почти не ел, почти не спал.

Громкоговоритель прохрипел очередное объявление, из которого удалось уловить только два слова – *Бостон и задержан*. Я взглянул на табло, висевшее над верхним рядом бутылок в баре, и увидел, как время нашего вылета переместилось на час вперед.

– Еще по одной? – сказал я. – Я угощаю.

– Почему бы и нет, – ответила она, закрыла книгу и положила обложкой вверх на барную стойку возле своей сумочки. «*Два лика января*» Патриции Хайсмит.

– Как книга?

– Не самая удачная.

– Нет ничего хуже скучной книги, когда твой рейс задержан на целый час.

– А вы что читаете? – спросила она.

– Газеты. Книги я не очень-то люблю.

– И как же вы развлекаетесь во время полета?

– Пью джин. Обдумываю очередное убийство.

– Интересно. – Она улыбнулась мне, впервые. Улыбнулась широко, так что между верхней губой и носом появилась складочка, обнажая безукоризненные зубы и полоску розовых десен. Интересно, сколько ей лет? Когда она под села ко мне, я решил, что ей тридцать-тридцать пять, что мы с ней почти ровесники, но ее улыбка и бледные веснушки, словно брызги на лице, делали ее моложе. Двадцать восемь, не больше. Как моей жене.

– И, конечно, я работаю в самолете, – добавил я.

– Чем вы занимаетесь?

В двух словах я рассказал ей, что финансирую и консультирую компании, которые открывают свой бизнес в Интернете. Я не стал уточнять, что мой основной доход – продажа тех же самых компаний, когда они встанут на ноги. И я не рассказал ей, что мне вообще не нужно работать, что я был одним из немногих владельцев интернет-компаний в конце девяностых, которым удалось вовремя обналечить акции, как раз перед тем, как лопнул так называемый пузырь доткомов¹. Я скрыл эти факты по

---

¹ Экономический пузырь, существовавший в период с 1995 по 2001 год. Пузырь образовался в результате взлета акций интернет-компаний, а также появления большого количества новых интернет-компаний. – *Прим. пер.*

одной-единственной причине – мне не хотелось говорить о них, а не потому, что я боялся, как бы моя новая спутница, посчитав их предосудительными, не потеряла ко мне интерес. Никогда не считал необходимым извиняться за заработанные деньги.

– А вы чем занимаетесь? – спросил я.

– Работаю в колледже Винслоу. Я архивариус.

Винслоу – женский колледж в цветущем пригороде примерно в двадцати милях к западу от Бостона. Я спросил, что входит в обязанности архивариуса, и в ответ она выдала мне теперь уже свою краткую версию рабочих будней – как она собирает и подшивает документы колледжа.

– Вы живете в Винслоу? – спросил я.

– Да.

– Замужем?

– Нет. А вы женаты?

Я заметил, как ее взгляд скользнул по моей руке в поиске кольца.

– Да, к сожалению, – ответил я. Затем поднял руку, чтобы показать безымянный палец без кольца. – Кстати, нет, я не снимаю обручальное кольцо в барах аэропортов на тот случай, если такая женщина, как вы, подсядет ко мне. Никогда не носил колец. Терпеть их не могу.

– Почему к сожалению? – спросила она.

– Долго рассказывать.

– Рейс отложили. У нас куча времени.

– Вы действительно хотите услышать мрачную историю моей убогой жизни?

– Как я могу отказаться после такого интригующего начала?

– Прежде чем я начну, придется повторить, – я поднял бокал. – Хотите?

– Нет, спасибо. Два бокала – мой потолок. – Она зубами сняла одну из оливок с зубочистки и откусила кусочек. Краем глаза я заметил розовый кончик ее языка.

– Я всегда говорил, что два martini – слишком много, а три – слишком мало.

– Смешно. Разве Джеймс Тербер² не говорит то же самое?

---

² Джеймс Тербер (James Turber) – писатель, юморист, один из наиболее известных сатирических художников США, высмеивающий пороки общества. В течение долгого времени работал в газете The New Yorker. – Прим. пер.

– Никогда не слышал о нем, – сказал я, глупо улыбнувшись, хотя мне было неловко, что я выдал известное высказывание за свое. Словно из-под земли передо мной появился бармен, и я сделал заказ. Мои губы замерли в том блаженном оцепенении, которое вызывает джин, и я понял, что слишком пьян и слишком болтлив, но, в конце концов, таковы правила всякого аэропорта, и хотя моя попутчица жила всего в двадцати милях от меня, ее имя уже вылетело у меня из головы, и я знал, что вряд ли увижу ее снова. Мне было приятно говорить и пить с незнакомым человеком. Стоило мне озвучить свои мысли, как мой гнев рассеялся.

И я ей все рассказал. Я рассказал, что женат уже пять лет, и что мы с женой живем в Бостоне. Я рассказал ей о той чудесной сентябрьской неделе в гостинице городка Кенневик на южном побережье Мэна, и как мы влюбились в это место и купили дом на берегу по абсурдно завышенной цене. Я рассказал, что моя жена, будучи доктором наук в весьма сомнительной области под названием «Искусство и обществознание», решила, что она способна вместе с архитектурной фирмой работать над дизайном дома, и теперь проводила в Кенневике почти все время – вместе с подрядчиком по имени Брэд Даггет.

– И они с Брэдом?.. – спросила она, отправив в рот вторую оливку.

– Да-да.

– Вы уверены?

Я рассказал подробности. О том, как Миранде надоела наша жизнь в Бостоне. Первый год после свадьбы чем только она ни занималась – декорировала наш особняк в Саут-Энде, потом устроилась на полставки в галерею подруги в округе СоВа³, но уже тогда я понял, что наш брак выдохся. Нам не о чем было говорить за ужином, мы стали ложиться спать в разное время. А главное – утратили те роли, которые некогда определяли наши отношения. Я был богатым бизнесменом, который угощал ее дорогими винами, водил на благотворительные вечера, а она – богемной художницей, которая обычно ездила на тайские пляжи и зависала в дешевых забегаловках. Конечно, мы были не более чем избитым клише, но нам это нравилось. Мы понимали друг друга с полуслова. Мне даже нравилось то, что никто не стал бы смотреть

³СоВа (SoWa, South of Washington) - округ Саут-Энда в Бостоне, известный художественными галереями, ресторанами, магазинами и ярмарками. – Прим. пер.

на меня в ее присутствии, хотя я был недурен собой. У нее были длинные ноги и пышная грудь, округлое лицо и полные губы. Свои темно-каштановые волосы она всегда окрашивала в черный цвет. Она намеренно укладывала их так, чтобы они казались растрепанными, как будто она только что встала с кровати. У нее была безукоризненная кожа, она не нуждалась в косметике, хотя никогда не выходила из дома, не подкрасив глаза черным карандашом. Я видел, как мужчины смотрят на нее в барах и ресторанах. Может, я преувеличиваю, но в этих взглядах было что-то первобытное, хищное. И я радовался, что не живу в те времена, когда каждый мужчина носил с собой оружие.

Наша поездка к Кенневик, штат Мэн, оказалась спонтанной: Миранда жаловалась, что мы уже больше года не бывали вдвоем. Мы отправились туда во второй половине сентября. Первые несколько дней были безоблачные, теплые, но потом на нас обрушился ураган со стороны Канады, заточивший нас в номере. Мы выходили из него только затем, чтобы выпить пива Allagash White и съесть лобстеров в ресторанчике в подвале гостиницы. После урагана дни стояли спокойные, сухие, сумерки стали длиннее. Мы купили свитера и отправились исследовать береговую линию, начинавшуюся как раз на северной стороне отеля и петлявшую между ревущими волнами Атлантики и скалистым утесом. Воздух, недавно отяжелевший от влажности и запахов солнцезащитного крема, стал свежим и соленым. Мы оба влюбились в Кенневик настолько, что, узнав о продаже клочка земли, заросшей шиповником, на отвесном берегу, сразу же позвонили его владельцу.

Через год шиповник выкорчевали, заложили фундамент и почти завершили каркас дома на восемь спален. Главным подрядчиком мы наняли Брэда Даггета, человека мрачного, сурового, разведенного, с густыми черными волосами, козлиной бородкой и кривым носом. Пока я работал в Бостоне – консультировал группу выпускников МТИ⁴, которые разработали новый алгоритм для поисковой системы по блогам, – Миранда проводила почти все время в Кенневике; она жила в гостинице и контролировала строительство дома, придираясь к каждой плитке и каждому гвоздику.

---

⁴Массачусетский технологический институт – одно из самых престижных технических учебных заведений в США и в мире. – *Прим. пер.*

В начале сентября я решил устроить ей сюрприз. Я отправил ей сообщение на мобильный и выехал из Бостона по шоссе I-95. В Кенневик я прибыл в полдень и поехал в гостиницу за Мирандой. Оказалось, что она ушла еще утром.

Я подъехал к строящемуся дому и припарковался на подъездной дорожке, усыпанной гравием, как раз за «Фордом F150», принадлежавшим Брэду. Бледно-голубой «Мини-Купер» Миранды тоже был там. Я не видел дом несколько недель и радовался, что за это время столько успели сделать. Вставили все окна, привезли дорожные плиты серо-голубого цвета, которые я лично выбрал для сада. Я обошел дом сзади, где в каждой спальне на втором этаже был свой балкон, а застекленная веранда на первом этаже вела к просторному каменному патио. Перед патио вырыли прямоугольную яму для бассейна. Поднимаясь по каменным ступенькам патио, я заметил Брэда и Миранду в высоких окнах кухни, выходящих прямо на океан. Я собирался постучать в окно, чтобы позвать их, но вдруг замер. Прислонившись к новенькой столешнице, они смотрели в окно, любуясь видом бухты. Брэд курил сигарету, и я наблюдал, как он стряхивает пепел в кофейную чашку, которую держит в другой руке.

Но остановился я не из-за него, а из-за Миранды. Что-то в ее позе, в том, как она облакачивалась на столешницу, обернувшись к широким плечам Брэда. Она казалась такой непринужденной. Я смотрел, как она подняла руку, и Брэд подал ей сигарету, словно они знакомы всю жизнь. Она затаилась и вернула ему сигарету. При этом они ни разу не взглянули друг на друга, и я понял, что они не только спят вместе, но, по-видимому, влюблены друг в друга.

Вместо того чтобы разозлиться или впасть в уныние, я испугался, что они заметят меня в патио – как я подсматриваю за ними в столь интимный момент. Я вернулся к парадному входу, пересек веранду, распахнул стеклянную дверь и крикнул: «Привет»; мой голос эхом разнесся по безжизненному дому.

– Мы здесь, – откликнулась Миранда, и я направился на кухню.

Они отстранились друг от друга, но ненамного. Брэд потушил сигарету в кофейной чашке.

– Тедди, какой сюрприз, – сказала Миранда. Кроме нее никто не называл меня так, это имя больше походило на прозвище, так как совершенно не соответствовало мне.

– Привет, Тед, – сказал Брэд. – Ну что, хорошо мы поработали?

Миранда подошла ко мне и поцеловала в уголок губ. Она пахла своим дорогим шампунем и «Marlboro».

– Ничего. Мои плитки привезли.

Миранда рассмеялась.

– Мы разрешили ему выбрать только одно, и теперь ничто другое его не беспокоит.

Брэд тоже подошел и пожал мне руку. Рука была широкая, костлявая, ладонь теплая, кожа сухая.

– Хотите, устроим экскурсию?

Пока они водили меня по дому, Брэд рассказывал о стройматериалах, а Миранда – о том, куда какую мебель нужно поставить, и я подумал, что ошибся. Ни один из них не нервничал в моем присутствии. Может, они стали близкими друзьями – такими, которые, обнявшись, делятся сигаретой. Миранда часто вела себя эмоционально, ходила за ручку с подругами и даже целовала в губы наших друзей-мужчин, когда здоровалась и прощалась. Может, я слишком подозрительный?

После экскурсии по дому мы с Мирандой отправились в гостиницу и пообедали в ресторане «Конюшня». Мы ели поджаренные сэндвичи с рыбой и пили виски с содовой.

– Ты снова куришь? – спросил я, надеясь поймать ее на лжи и посмотреть, как она отреагирует.

– Что? – спросила она, нахмутив брови.

– От тебя пахло сигаретами. В доме.

– Затянулась пару раз, вот и все. Я не собираюсь снова курить, Тедди.

– Дело твое. Я просто спросил.

– Даже не верится, что дом уже закончен, – сказала она, макая дольки жареного картофеля в мой кетчуп.

Мы поговорили о доме, и я еще больше засомневался в своих подозрениях. Никакого чувства вины она не выражала.

– Останешься на выходные? – спросила она.

– Нет, я только заехал повидать тебя. Вечером у меня ужин с Марком ЛаФрансом.

– Отмени его и останься. Завтра обещают чудесную погоду.

– Марк прилетел специально ради этой встречи. И мне нужно подготовить расчеты.

Изначально я планировал остаться в Кенневике до вечера, надеясь, что Миранда согласится провести это время в ее номе-

ре. Но когда я увидел, как они с Брэдом милуются на очень дорогой кухне, за которую платил я, между прочим, то передумал. У меня созрел новый план. После обеда я отвез Миранду обратно на стройку, чтобы она забрала свою машину. Затем, вместо того чтобы сразу же выехать на шоссе I-95, я поехал на юг, в Киттери, где фабричные магазины тянулись на четверть мили. Я подъехал к рыночной площади, где продавали охотничье снаряжение и одежду; я проезжал мимо этого места много раз, но ни разу не останавливался. Примерно за пятнадцать минут я потратил почти пятьсот долларов на непромокаемые камуфляжные штаны, серый плащ с капюшоном, огромные летные очки и профессиональный бинокль. В общественной уборной напротив магазина я переоделся и в капюшоне и очках стал неузнаваем. По крайней мере, издали. Я снова поехал на север, припарковался на общественной стоянке возле бухты Кенневика, втиснув свой «Куатро» между двумя пикапами. Вряд ли Миранда и Брэд приедут именно на эту парковку, но все же я решил поставить машину так, чтобы ее не было заметно.

Ветер стих, но небо нависло серой пеленой, и теплый дождь решетил туманный воздух. Я прошел по мокрому песку вдоль берега, перебрался через каменную россыпь и глину и направился к утесу. Я двигался осторожно, глядя под ноги на мощеную дорожку – скользкую после дождя и неровную там, где корни выбивались из-под земли – вместо того чтобы любоваться непокорными волнами Атлантического океана, вздымавшимися справа от меня. Местами мощеная дорожка вдоль утеса была полностью разрушена, и поблекший знак предупреждал об опасности. Из-за этого по ней редко ходили, и в тот вечер я встретил только одного человека – девушку в спортивной толстовке, от которой пахло так, как будто она только что выкурила косячок. Мы прошли, не обмолвившись ни словом, даже не поглядели друг на друга.

В конце дорожки я шел вдоль полуразвалившейся бетонной стены, огораживающей с тыльной стороны каменный коттедж – последний дом, за которым на четверть мили тянулся заброшенный пустырь, ведущий к нашему участку. Дорожка спустилась к морю, пересекла небольшой каменистый пляж, усеянный изжеванными буйками и водорослями, затем круто поднялась между елями с переплетенными ветвями. Дождь усилился, и я снял промокшие темные очки. Полагая, что вряд ли столкнусь с Ми-

рандой или Брэдом снаружи, я решил занять позицию, не доходя до пустыря, и укрыться в зарослях кустарника там, где отвесная береговая линия низко опускалась. Если кто-нибудь из них выглянет в окно и заметит меня с биноклем, они подумают, что я наблюдаю за птицами. Если кто-то подойдет, я быстро ретируюсь на дорожку.

Когда я взглянул на дом, нависавший над высохшей землей, мне не впервые бросилось в глаза то, насколько его задняя часть – выходящая на океан – стилистически отличается от противоположной стороны, выходящей на дорогу. Фасад дома, облицованный камнем, украшали небольшие оконца и высокие двери из темного дерева в форме гигантской арки. Задняя часть дома, обшитая светлым деревом, с абсолютно одинаковыми окнами и балкончиками, напоминала небольшую уютную гостиницу. «У меня много друзей», – ответила Миранда на мой вопрос, зачем в доме семь комнат для гостей, и бросила на меня такой взгляд, будто я спросил, зачем в доме водопровод.

Я нашел отличное местечко под низкой изогнутой елью, как бонсай, лег на сырую землю и настроил бинокль. Я был примерно в пятидесяти ярдах от дома и сквозь окна прекрасно видел, что происходит внутри. Я осмотрел первый этаж, но не заметил никакого движения, затем «поднялся» на второй. Ничего. Я отложил бинокль и взглянул на дом, жалея, что мне не видна подъездная дорожка. На первый взгляд, в доме не было ни души, хотя пикап Даггета все еще стоял там, когда я высадил Миранду.

Несколько лет назад я ходил на рыбалку с коллегой – товарищем по спекуляциям в Интернете, лучшим рыбаком из тех, кого я знал. Он всматривался в поверхность океана и точно угадывал, где рыба. Он объяснил мне, что хитрость – в умении не фокусировать зрение на чем-то одном, а впитывать все, что тебя окружает. Именно так он улавливал малейшее движение, колебание воды. Я пробовал, но кроме головной боли ничего не добился. Еще раз осмотрев дом через бинокль и ничего не заметив, я решил снова испробовать ту хитрость – теперь уже на своем доме. Я взглянул на дом, который в бинокле расплывался перед глазами гигантским пятном, и ждал хоть малейшего шевеления; не прошло и минуты, как я заметил движение сквозь высокие окна будущей гостиной на северной стороне дома. Я навел бинокль на окно: Брэд и Миранда только что вошли. Я видел

их довольно отчетливо; лучи заходящего солнца освещали окно как раз под нужным углом и при этом не слепили глаза. Я видел, как Брэд подошел к самодельному столику, который смастерили плотники, поднял кусок дерева, что-то вроде потолочной балки, и показал моей жене. Он провел рукой по рифленой стороне балки, она сделала то же самое. Его губы шевелились, а Миранда кивала ему в ответ.

На мгновение я почувствовал себя полным идиотом, параноиком, вырядившимся в камуфляж и выслеживающим собственную жену и своего же подрядчика, но вот Брэд положил балку, и я увидел, как Миранда обняла его, запрокинула голову и поцеловала в губы. Одной рукой он прижал ее бедра к себе, а второй схватил ее растрепанные волосы. Я уговаривал себя отвернуться, но не смог. Я смотрел минут десять, я видел, как Миранда легла на стол, Брэд задрал ее темно-сиреневую юбку, стянул с нее белые трусики и вошел в нее сзади. Я смотрел, как Миранда одной рукой схватилась за край стола, а другая рука скользнула между ног, направляя его. Безусловно, они занимались этим не в первый раз.

Я поднялся и пошел обратно к тропинке. Не успел я скинуть капюшон, как меня стошнило в грязную лужу.

– Давно это было? – спросила моя попутчица.

– Неделю назад.

Она прищурилась и прикусила нижнюю губу. Ее веки казались бледными, полупрозрачными, словно китайский шелк.

– Что вы собираетесь предпринять? – спросила она.

Этот вопрос я задавал себе всю неделю.

– Знаете, о чем я мечтаю? Убить ее. – Я улыбнулся онемевшими от джина губами и попытался подмигнуть, но ее лицо оставалось абсолютно серьезным. Она приподняла свои рыжие брови.

– Думаю, так и надо поступить, – произнесла она; я ждал хоть какого-то намека на шутку, но его не последовало. Ее взгляд был непоколебим. Уставившись на нее, я вдруг понял, что она намного красивее, чем мне казалось. Неземная красота, вне времени и пространства, словно она позировала для картин эпохи Ренессанса. Так отличалась от моей жены, похожей на героиню с обложки детективного романа 50-х годов. Я как раз собрался заговорить, как она подняла голову, прислушиваясь к хриплым звукам громкоговорителя. Объявили посадку на наш рейс.